

Имя, отчество и фамилия

Софья
Тенрижовна
Балдургео

Бен Макинтайр

АГЕНТ СОНЯ

Любовница, мать, шпионка, боец

CoRpus

Подпись владельца книжки

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ САМОЙ НЕОБЫЧНОЙ
СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДЧИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Балдургео

Разведкорпус

Бен Макинтайр

**Агент Соня. Любовница,
мать, шпионка, боец**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 327.8:929
ББК 67.301

Макинтайр Б.

Агент Соня. Любовница, мать, шпионка, боец / Б. Макинтайр —
«Издательство АСТ», 2020 — (Разведкорпус)

ISBN 978-5-17-134518-1

Ударив шестнадцатилетнюю Урсулу Кучински дубинкой на демонстрации, берлинский полицейский, сам того не зная, определил ее судьбу. Девушка из образованной еврейской семьи, чьи отец и брат исповедовали левые взгляды, стала верной сторонницей коммунизма и двадцать лет занималась шпионажем на Советский Союз. Агент Соня получила боевое крещение в Шанхае у Рихарда Зорге, прошла разведшколу в Москве, едва не приняла участие в покушении на Гитлера, собственноручно собирала радиопередатчики, в годы Второй мировой передавала в СССР атомные секреты, полученные от ученого-разведчика Клауса Фукса, и ни разу не провалила задания. Общительная и жизнерадостная, она влюблялась и растила детей, заботилась о родителях — и не давала неповоротливым сыщикам из Ми-5 повода заподозрить ее в двойной жизни. Судьба Урсулы Кучински-Гамбургер-Бертон — удивительный пример того, как можно сохранить верность своим взглядам, не предавая и не будучи преданной, в мире, охваченном катастрофой, где черное и белое меняются местами или сливаются воедино. Вероятно, ее секрет — в способности любить и меняться, не изменяя себе. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327.8:929
ББК 67.301

ISBN 978-5-17-134518-1

© Макинтайр Б., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Введение	8
Глава 1. Ураган	9
Глава 2. Восточная блудница	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Бен Макинтайр Агент Соня. Любовница, мать, шпионка, боец

“Лудилыщик, портной, военный, моряк...

Кем будет суженый мой?”

*Традиционная считалка и гадание для девушек, желающих узнать
свое будущее.*

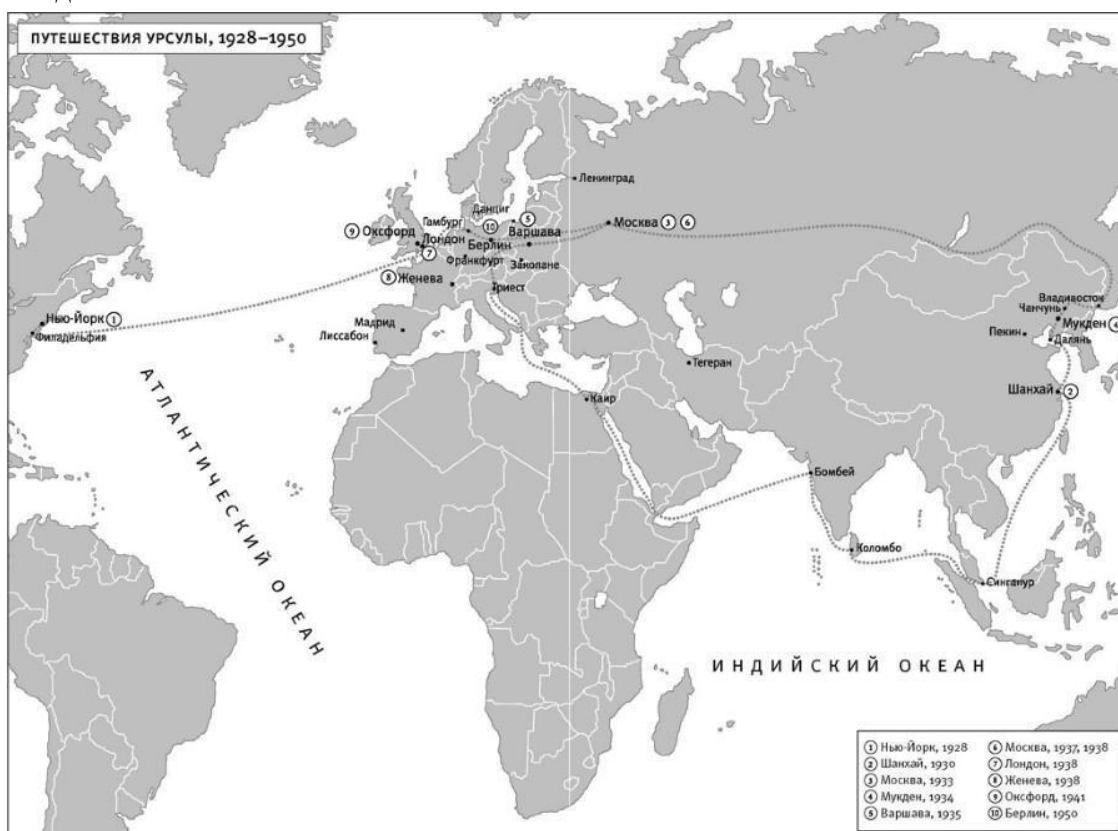
© 2020 by Ben Macintyre Books Ltd.

© П. Жерновская, перевод на русский язык, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022

© ООО “Издательство АСТ”, 2022

Издательство CORPUS ®

Введение

Если бы вы оказались в 1945 году в живописной английской деревушке Грейт-Роллрайт, вы бы, вероятно, обратили внимание на стройную, на удивление элегантную брюнетку, которая появляется из дверей каменного фермерского дома под названием “Сосны” и садится на велосипед. У нее было трое детей и муж Лен, работавший на алюминиевом заводе неподалеку. Сама она была приветлива, но сдержанна и говорила по-английски с легким иностранным акцентом. Она пекла превосходные торты. Ее соседям в Котсуолде мало что было о ней известно.

Соседи не знали, что женщина, которую они называли миссис Бертон, на самом деле была полковником РККА Урсулой Кучински, убежденной коммунисткой, заслуженным офицером советской военной разведки и невероятно опытной разведчицей, участвовавшей в шпионских операциях в Китае, Польше и Швейцарии, прежде чем прибыть по указанию Москвы в Британию. Они не знали, что все трое ее детей от разных отцов, как и того, что Лен Бертон тоже был тайным агентом. Они не догадывались, что она немецкая еврейка, яростная противница нацизма и что во время Второй мировой войны она шпионила против фашистов, а теперь, когда началась новая, холодная война, шпионила за Британией и Америкой. Они не знали, что в стоявшей за “Соснами” уборной миссис Бертон (чью фамилию следовало писать не *Burton*, а *Beurton*) соорудила мощный радиопередатчик, настроенный на штаб-квартиру советской разведки в Москве. Деревенские жители Грейт-Роллрайта понятия не имели, что во время своей последней военной миссии миссис Бертон внедрила шпионов-коммунистов в сверхсекретную операцию США, десантировавшую агентов-антинацистов в гибнущий Третий рейх. Считалось, что эти “хорошие немцы” шпионят на Америку, а на самом деле они работали на полковника Кучински из Грейт-Роллрайта.

Но самой важной подпольной работе миссис Бертон суждено было изменить будущее всего мира: она помогала Советскому Союзу создать собственную атомную бомбу.

В течение многих лет Урсула руководила агентурой, состоявшей из шпионов-коммунистов, внедренных в сердце британской атомной программы, и передавала в Москву информацию, которая позволит в результате советским ученым создать собственное ядерное оружие. Урсула полноценно участвовала в деревенской жизни; ее сконам завидовал весь Грейт-Роллрайт. Но в своей параллельной, тайной жизни она способствовала сохранению баланса сил между Востоком и Западом, и, как она считала, помогала предотвратить ядерную войну, похищая научные данные об атомном оружии у одной стороны и предоставляя их другой. Седлая велосипед и вооружившись карточкой на продукты и авоськами, миссис Бертон отправлялась добывать смертоносные секреты.

Урсула Кучински-Бертон была одновременно матерью, домохозяйкой, писательницей, опытным радиотехником, куратором, курьером, диверсанткой, подрывницей, бойцом холодной войны и тайным агентом. Она работала под кодовым именем Соня. Вот ее история.

Глава 1. Ураган

Первого мая 1924 года берлинский полицейский ударил резиновой дубинкой по спине шестнадцатилетнюю девушку и тем самым помог ей встать на путь революции.

Тысячи берлинцев в течении нескольких часов шествовали по улицам города на ежегодном чествовании рабочего класса. В числе демонстрантов было множество коммунистов и большая колонна молодежи. Украсив одежду красными гвоздиками, они несли плакаты, гласившие: “Руки прочь от Советской России”, и распевали коммунистические песни: “Мы кузнецы, и дух наш молод, / Куем мы к счастью ключи!” Политические демонстрации были под запретом, вдоль улиц выстроилась полиция, хмуро наблюдавшая за происходящим. На углу улицы поглумиться над шествием собралась горстка фашистов-коричневорубашечников. Начались потасовки. В воздух взмыла бутылка. Коммунисты запели громче.

Во главе молодежной колонны коммунистов шествовала субтильная девушка в рабочей кепке, неполных семнадцати лет. Это была первая уличная демонстрация Урсулы Кучински: ее глаза горели от воодушевления, когда она размахивала своим плакатом, горланя гимн *Auf, auf, zum Kampf*, “Вставай, вставай на борьбу”. Ее прозвали Ураган, и, вышагивая и распевая, Урсула пританцовывала от захлестнувшей ее радости.

Полиция пошла в наступление, когда шествие сворачивало на Миттельштрассе. Урсула вспоминала “визг тормозов, заглушивший пение, вопли, полицейские свистки и возмущенные выкрики. Молодых людей валили на землю и волокли в грузовики”. Посреди этой суматохи Урсулу повалили навзничь на мостовую. Подняв голову, она увидела возвышавшегося над ней дюжего полицейского. На зеленой униформе под мышками проступали пятна пота. Ухмыльнувшись, он замахнулся дубинкой и со всей силы нанес девушке удар по пояснице.

Первым делом ее охватила ярость – и лишь потом ее пронзила самая острая боль, которую ей довелось испытать в своей жизни. “Мне было так больно, что я не могла нормально дышать”. Ее друг, молодой коммунист Габо Левин, оттащил ее в подъезд дома. “Все хорошо, Ураган, – говорил он, потирая ей спину в том месте, куда пришелся удар. – Это пройдет”. Группа Урсулы уже давно разбежалась. Кого-то задержали. Но по широкой улице приближались еще несколько тысяч демонстрантов. Габо помог Урсуле подняться и отдал ей один из упавших плакатов. “Я продолжила шествие, – писала она потом, – еще не догадываясь, что это решение предопределило мою судьбу”.

Мать Урсулы была в ярости, когда дочь вернулась домой в тот вечер в разорванной одежде и с иссиня-черным кровоподтеком на спине.

Берта Кучински потребовала от нее ответа, чем та занималась, “слоняясь по улицам под руку с кодлой горланящих во весь голос пьяных подростков”.

“Мы не пили и не горланили”, – возражала Урсула.

“Что это за подростки? – спрашивала Берта. – Чего ты добиваешься, проводя время с людьми такого сорта?”

“«Люди такого сорта» – это местное отделение молодых коммунистов. И я тоже являюсь его членом”.

Берта отправила Урсулу прямиком в кабинет отца.

“Я уважаю право любого человека на свое мнение, – сказал дочери Роберт Кучински. – Но семнадцатилетняя девушка еще слишком юна, чтобы вступать в политические объединения. Поэтому я настоятельно прошу тебя сдать членский билет и на несколько лет отложить свое решение”.

У Урсулы уже был наготове ответ. “Если семнадцатилетних можно брать на работу и эксплуатировать, значит, им можно и бороться против эксплуатации... и именно поэтому я должна стать коммунисткой”.

Роберт Кучински и сам сочувствовал коммунистам, и запал дочери скорее вызывал у него восхищение, но сулил множество проблем. Чета Кучински, быть может, и поддерживала борьбу рабочего класса, но это не означало, что они готовы были принять дружбу дочери с его представителями.

Этот политический радикализм – очередное поветрие, сказал Роберт Урсуле. “Через пять лет вся эта затея будет вызывать у тебя смех”.

Урсула парировала: “Через пять лет я стану еще более убежденной коммунисткой”.

Семья Кучински была богата, влиятельна, самодостаточна и, как любая другая еврейская семья в Берлине, даже не догадывалась, что через несколько лет их мир будет уничтожен войной, революцией и систематическим геноцидом. В 1924 году в Берлине проживали 160 тысяч евреев, около трети еврейского населения всей Германии.

Роберт Рене Кучински был выдающимся специалистом по демографической статистике, первым, кто использовал числовые данные при анализе социальной политики. Его метод вычисления популяционной статистики – “коэффициент Кучинского” – применяется по сей день. От своего отца, успешного банкира, председателя правления Берлинской фондовой биржи, Роберт унаследовал страсть к книгам и деньги, позволявшие предаваться этому увлечению. Мягкий человек, дотошный ученый, гордый потомок “шести поколений интеллектуалов”, Кучински владел крупнейшей частной библиотекой в Германии.

В 1903 году Роберт женился на Берте Граденвиц, представительнице немецко-еврейской интеллигенции, дочери предпринимателя, занимавшегося строительством жилых домов. Умная, склонная к праздности Берта была художницей. Первые воспоминания Урсулы о матери состояли из цветов и фактур: “Все мерцало коричневым и золотым. Бархат, ее волосы, ее глаза”. Берта была посредственным живописцем, но ей об этом никто не говорил, и она продолжала малевать в свое удовольствие, была самозабвенно предана мужу, а утомительные повседневные заботы о детях перекладывала на прислугу. Космополитичные, светские Кучински считали себя в первую очередь немцами, отодвигая свое еврейство далеко на второй план. Дома они часто разговаривали по-английски и по-французски.

Кучински знали всех видных представителей интеллектуальных кругов левого толка: марксистского лидера Карла Либкнехта, художников Кете Кольвиц и Макса Либермана, немецкого промышленника и будущего министра иностранных дел Вальтера Ратенау. Одним из ближайших друзей Роберта был Альберт Эйнштейн. За ужином у Кучински часто собиралась компания художников, писателей, политиков и интеллектуалов – и евреев, и гоев. Позиция Роберта в озадачивающем политическом калейдоскопе Германии была одновременно неоднозначна и переменчива. Диапазон его взглядов простирался от левоцентризма до леворадикализма, но Роберт был, как он сам полагал, человеком слишком возвышенным, чтобы ограничивать себя партийными ярлыками. Как язвительно замечал Ратенау, “[Роберт] Кучински всегда образует партию из одного человека, а потом выбирает ее левое крыло”. В течение шестнадцати лет он занимал пост директора статистического бюро в Шёнеберге, пригороде Берлина: эта непыльная должность оставляла много времени для научных трудов, написания статей для газет с левым уклоном и участия в прогрессивных общественных кампаниях; он выступал, в частности, за улучшение жизненных условий в берлинских трущобах (где, вероятно, ни разу и не бывал).

Урсула Мария была вторым ребенком из шестерых детей Роберта и Берты. Их первенец Юрген родился тремя годами ранее, в 1904 году, и был единственным мальчиком в семье. Вслед за Урсулой на свет появились еще четыре сестры: Бригитта (1910), Барбара (1913), Сабина (1919) и Рената (1923). Из сестер Урсуле ближе всех была Бригитта – и по возрасту, и по политическим взглядам. Без всякого сомнения, приоритет в семье отдавался мальчику: Юрген был развит не по годам, умен, категоричен, донельзя избалован и на сестер неизменно смотрел свысока. Он был наперсником Урсулы и ее негласным соперником. Отзываясь о нем

как о “лучшем и умнейшем человеке из всех своих знакомых”, она в равной степени обожала Юргена и возмущалась им.

В 1913 году, накануне Первой мировой войны, семья Кучински переехала в большую виллу на берегу озера Шлахтензее, в престижном пригороде Берлина Целендорфе у Грюневальдского леса. Дом, сохранившийся до сих пор, был построен на землях, унаследованных отцом Берты. На пологом берегу раскинулись просторные владения – с оранжереей, парком и курятником. Специально для библиотеки Роберта была сделана пристройка. По хозяйству помогали кухарка, садовник, две горничные и, главное, няня.

Ольга Мут, или Олло, была не просто членом семьи. Она была ее краеугольным камнем, основой стабильности, унылой рутины – и источником безграничной любви. Дочь матроса, служившего во флоте кайзера, уже в шесть лет Олло осиротела и воспитывалась в прусском сиротском приюте для детей военных; заведение, где царила неопишуемая жестокость, оставило неизгладимый шрам в ее душе, научив состраданию и приучив к жесткой дисциплине. В 1911 году, когда энергичная, острая на язык Олло поступила няней к семейству Кучински, ей было тридцать.

Олло понимала детей куда лучше Берты и мастерски научилась ей об этом напоминать: няня вела против фрау Кучински тихую войну, периодически вызывая бурные скандалы, после которых она, как правило, уходила, хлопнув дверью, но неизменно возвращалась. Любимицей Олло была Урсула. Девочка боялась темноты и, пока внизу проходили званые ужины, засыпала под тихие нянины колыбельные. Годы спустя Урсула поняла, что любовь Олло отчасти была продиктована их “единодушием против матери в обстановке безмолвного ревнивого соперничества”.

Урсула была нескладным ребенком с копной жестких темных волос, доводившим мать до изнеможения своей любознательностью и непоседливостью. “Непослушные, как конский волос”, – бормотала Олло, беспощадно расчесывая девочку. Детство Урсулы было настоящей идиллией: купание в озере, поиск птичьих яиц, игра в прятки среди рябиновых деревьев. Часть лета она каждый год гостила на даче у своей тети Алисы, сестры Роберта, на балтийском побережье, в Аренсхопе.

Урсуле было семь лет, когда разразилась Первая мировая война. “Сегодня между нами нет никаких различий, сегодня все мы – немцы, защищающие свою отчизну”, – объявил директор ее школы. Роберт записался в прусскую гвардию, но в свои тридцать семь лет он был слишком стар для строевой службы и всю войну подсчитывал нормы потребления продуктов в Германии. Как и многие евреи, муж Алисы Георг Дорпален храбро сражался на Западном фронте, был ранен и награжден Железным крестом. Состояние Кучински отчасти убергло их от самой страшной нужды военного времени, но продуктов не хватало, и Урсулу отправили на балтийское побережье, в лагерь для голодающих детей. С собой Олло положила ей мешок шоколадных трюфелей из картошки, какао и сахара – и стопку книг. Урсула вернулась заедлым читателем, набрав несколько фунтов благодаря диете из пельменей и чернослива, когда война уже закончилась. “Убери локти со стола, – выговаривала ей мать. – Не хлюпай”. Урсула выбегала из столовой, хлопнув дверью.

Поражение и позор Германии ознаменовали начало конца безмятежного существования семьи Кучински. Страну захлестнули встречные потоки политического насилия. Волна беспорядков повлекла за собой отречение кайзера; восстание левых было жестоко подавлено оставшимися силами императорской армии и правым ополчением, фрайкорами. 1 января 1919 года Роза Люксембург и Карл Либкнехт основали Коммунистическую партию Германии (*Kommunistische Partei Deutschlands*), или КППГ, – через несколько дней они были похищены и убиты. Так в Веймарской республике началась эра культурного расцвета, гедонизма, массовой безработицы, экономической нестабильности и бурного политического конфликта, разгоравшегося по мере все более ожесточенных столкновений между крайне правыми и левыми

радикалами. В политических взглядах Роберта Кучински произошел серьезный сдвиг в левом направлении. “Советский Союз – *это и есть* будущее”, – заявлял он после 1922 года. Так и не вступив в КПП, Роберт заявлял, что коммунистическая партия – “наименее невыносимый” из имеющихся вариантов. В своих статьях он выступал за радикальное перераспределение богатства в Германии. Его предложения не прошли мимо внимания националистов правого крыла и антисемитов. “Он не просто против нас, – мрачно отмечал один немецкий промышленник. – Он уже потерял всякий стыд”.

Четырнадцать лет смуты, отделяющие свержение кайзера от прихода Гитлера к власти, расценивают как период нараставшей угрозы, обусловивший дальнейшую катастрофу. Но молодость и идеализм в те годы пьянили и будоражили, пока мир сходил с ума. Военные долги, репарации и неумелое распоряжение финансами вызвали гиперинфляцию. Деньги едва стоили бумаги, на которой были напечатаны. Пока одни умирали от голода, другие бросались в безумные траты: хранить деньги, которые вот-вот обесценятся, было бессмысленно. На глазах разворачивались сюрреалистические сцены: цены росли так быстро, что официанты в ресторанах каждые полчаса забирались на столы, чтобы объявить новые цены в меню; буханка хлеба, в 1922 году стоившая 160 марок, к концу 1923 года подорожала до 200 000 000 марок. Урсула писала: “Женщины стоят у ворот фабрики, чтобы забрать конверты с зарплатой своих мужей. Каждую неделю им вручают пачки банкнот в миллиард марок. Получив деньги, они несутся в магазины, потому что через два часа маргарин может подорожать вдвое”. Однажды днем в парке она увидела мужчину, ветерана войны, с культей, он лежал под скамейкой, прижимая к груди сумку с жалкими пожитками. Он был мертв. “Почему в мире творится такой ужас?” – недоумевала она.

Пока в Шлахтензее по-прежнему велись интеллектуальные разговоры в изящных интерьерах, миллионы людей примыкали к радикальным политическим движениям. В 1922 году министр иностранных дел Вальтер Ратенау был убит ультра националистами после подписания соглашения с Советским Союзом. Каждый день Урсула своими глазами видела резкий контраст между городской беднотой и зажиточной буржуазией, к которой принадлежала и она сама. Она поглощала труды Ленина и Розы Люксембург, радикальные романы Джека Лондона и Максима Горького. Она хотела поступить в университет, следуя по стопам брата.

Юрген уже стал восходящей звездой левых академических кругов. После изучения философии, политэкономии и статистики в университетах Берлина, Эрлангена и Гейдельберга он получил докторскую степень по экономике, а вслед за тем в 1926 году отправился в США, поступив в аспирантуру Брукингского института в Вашингтоне. Там он познакомился с коллегой-экономисткой Маргаритой Штайнфельд и через два года на ней женился.

Берта была непреклонна: ее своенравная дочь обойдется без дальнейшего образования; ей нужно освоить какое-нибудь женское ремесло, а потом выйти замуж. В 1923 году в возрасте шестнадцати лет Урсула поступила в торговую школу, чтобы научиться печатать и стенографировать.

По ночам она писала стихи, рассказы, истории, полные романтики и приключений. Лишенная возможности получить академическое образование, она выливая энергию в собственный воображаемый мир. В ее детских сочинениях проступала жажда острых впечатлений, театральность, тяга к абсурду. Урсула всегда была главной героиней своих рассказов и писала о себе в третьем лице – о молодой женщине, целеустремленно совершающей великие подвиги и готовой идти на риск. Одна из ее героинь “превозмогла прежнюю детскую физическую слабость, окрепла и обрела силу”. Младшие сестры называли ее Сказочный Ураган. В дневник выливались не только обычные подростковые мрачные переживания, но и неукротимый оптимизм. “Я в дурном настроении, – писала она. – Я ворчу и огрызаюсь, сорвиголова, полукровка с черной гривой, еврейским носом и неуклюжими конечностями, недовольная и

угрюмая... но вот голубое небо, пригревает солнце, капли росы на елках, волнение в воздухе, – и сразу хочется вырваться прочь, прыгать, бегать и любить”.

В тот год, когда Урсула официально закончила свое образование, Гитлер организовал в Мюнхене пивной путч – провалившуюся попытку *coup d'état*¹, после которой имя будущего фюрера стало известно в каждом доме, а сам он оказался в тюрьме, где надиктовывал *Mein Kampf*, нацистскую библию ненависти.

Урсулу, впитавшую политические убеждения отца, потрясенную происходившей на ее глазах деградацией, ужасал фашизм, и заволаживали носившиеся в воздухе идеи социального равенства, классовой войны и революции. Ее неумолимо влекло к коммунизму. “В Германии грянет своя социалистическая революция, – заявляла она. – Благодаря коммунизму люди станут лучше и счастливее”. Большевицкая революция доказала, что старый порядок прогнил и был обречен. Фашизм должен был потерпеть поражение. В 1924 году Урсула вступила в *Kommunistischer Jugendverband Deutschlands*, Коммунистический союз молодежи Германии, примкнув к идеологии, которой останется верна всю жизнь. Ей было шестнадцать лет. Как и другие коммунисты родом из зажиточных семей, Урсула не афишировала свое привилегированное происхождение. “Мы жили намного скромнее, чем можно было себе представить, – подчеркивала она. – Один наш прадедушка торговал в Галиции шнурками для ботинок с тележки”.

Молодые коммунисты – единомышленники Урсулы – из разных уголков, классов и общин Берлина стремились свергнуть иго капитализма и создать новое общество. Эта дурманящая атмосфера была питательной средой для дружбы. Габриэль “Габо” Левин, юноша из среднего класса, жил на окраине Берлина. Хайнц Альтман был симпатичным подмастерьем, чьи напутствия послужили для Урсулы “окончательным стимулом” вступить в партию. Это были молодые бойцы немецкого коммунистического движения, и Урсула была счастлива вступить в их ряды. После первомайской демонстрации 1924 года жажда риска не покидала ее до конца жизни. Кровоподтеки от ударов полицейской дубинки со временем зажили, но гнев Урсулы остался с ней навсегда.

По выходным члены Коммунистического союза молодежи разъезжали по селам, рассказывая о марксизме-ленинизме немецким крестьянам, которые, бывало, в ответ натравливали на юных проповедников своих собак. Однажды вечером в Лёвенберге, на севере Берлина, один сердобольный фермер пустил их компанию заночевать у него на сеновале. “В тот вечер мы особенно веселились, – писала Урсула. – Едва мы легли, кто-то стал фантазировать, как здесь будет через двадцать лет. Лёвенберг в 1944 году! Уже давно наступил коммунизм. Мы долго спорили, упразднят ли к тому времени деньги. Мы, к сожалению, тогда совсем состаримся – нам будет уже за тридцать!” Засыпая, они грезили о революции.

Урсула была прирожденным миссионером. Она никогда не читала нотаций, но любила обращать людей в свою веру и атаковала неверующих до тех пор, пока их мировоззрение не совпадало с ее собственным. Первым делом она принялась за свою няню. “Я старалась ей все объяснить. Она считала, что я говорю дельные вещи”, – заявляла Урсула. Ни капельки не заинтересовавшись, Ольга Мут тем не менее вселила в девушку уверенность, что внимательно ее слушала.

Родителям Урсулы не нравилось, что их дочь попадает под полицейские дубинки и проводит ночи на сеновалах в компании юных коммунистов. Заметив, что “единственной интересовавшей ее областью было чтение”, Роберт договорился, чтобы ее взяли ученицей в книжный магазин Р. Л. Прагера на Миттельштрассе, торговавший юридической и политической литературой. Берта принесла ей пару туфель на каблуке, темносинее платье с белым воротничком, перчатки и коричневую сумочку из крокодиловой кожи. Перед первым выходом на работу Урсула подверглась тщательному осмотру матери и няни.

¹ Государственный переворот (франц.). (Здесь и далее – прим. перев.)

“Ничего спереди, ничего сзади, – сказала Олло. – До сих пор как мальчишка”.

“Зато ножки точеные, – отметила Берта. – Но чтобы их заметили, нужно ступать маленькими шажками”.

Олло согласилась: “Нашей Урсель никогда не стать леди”.

Как и все, что говорила Ольга Мут, это было сурово, но справедливо. Урсула с ее длинным носом, копной волос и прямолинейностью была бесконечно далека от образцов женственности. “Я никогда в жизни не превращусь в прекрасного лебедя, – писала она в своем дневнике. – Не могут же мой нос, уши и рот внезапно взять и уменьшиться!” Но даже в отрочестве от нее исходило мощное сексуальное притяжение, перед которым многие не могли устоять. Она хихикала, замечая, как чинивший крышу Дрезденского банка кровельщик присвистывал ей вслед, когда она ехала на работу на велосипеде: “Раскрыв объятия, он посылает мне воздушный поцелуй”. С ее яркими глазами, изящной фигурой и заразительным смехом она никогда не скучала без партнера на молодежных вечеринках в Целендорфе. На одной из них она была в “коротеньких красных шортах и облегающей блузке с накрахмаленным воротничком” и танцевала до полседьмого утра. “Говорят, я перецеловала двадцать юношей, – рассказывала она брату. – Вряд ли, максимум девятнадцать”.

Работать у Прагера было скучно и утомительно. Управляющий был тиран: заядлый курильщик с крупным, лысым и слегка заостряющимся черепом, он с упоением выдумывал новые унижения и бессмысленные задания для своих подчиненных. Урсула окрестила его Луковицей и провозгласила капиталистическим эксплуататором. На работе она “вытряхивала пыльную тряпку и торчала в пещерах без окон”. Читать на службе ей не позволялось. “Есть же другие профессии, – размышляла она. – Вот дровосек, например. Могу я стать девушкой-дровосеком?” Из-за бешеной инфляции ее и без того маленькая зарплата вовсе обесценивалась. О своем отрочестве в Веймарской республике она вспоминала сквозь призму политических образов: “Богатство узких привилегированных кругов и бедность большинства, когда на перекрестках попрошайничают безработные”. Она твердо решила изменить мир. Целеустремленности и уверенности в себе Урсуле было не занимать: она превзойдет отца и добьется радикальных перемен в обществе, а в материнстве превзойдет Берту. Эти амбиции порой будут идти вразрез друг с другом.

Роберт и Берта Кучински оставили попытки обуздать политические устремления дочери. В 1926 году Роберт одновременно с Юргеном занял временную должность в Брукингском институте в Бостоне, где занялся исследованиями в области американской финансовой и демографической статистики. Они с Бертой периодически приезжали в Америку в течение следующих нескольких лет, оставляя дом на Урсулу и Ольгу Мут и укрепляя тем самым их взаимную привязанность. “Наша Олло, которой так и не довелось никого полюбить. Олло, истеричное, невзрачное маленькое создание, вечно недовольное, чья жизнь целиком сосредоточилась вокруг нас, Олло готова ради нас пройти сквозь огонь и воду, она все делает ради нас, посвятила нам жизнь и ничего больше в мире, кроме нас шестерых, не знает”. Родители часто подолгу отсутствовали, и в письмах Урсулы к ним чувствуется едкое недовольство: “Дорогая мамочка, надеюсь, твоему материнскому сердцу будут интересны наши повседневные мелочи”. В другом письме было напутствие: “Мы единодушно надеемся, что мамочка вскоре оставит прекрасную затею давать дельные советы по ведению домашнего хозяйства и указания о том, как готовить капусту, наводить порядок в доме и тому подобные”.

Пока Урсула целыми днями протирала книги от пыли, ее брат их писал. В 1926 году двадцатидвухлетний Юрген Кучински опубликовал “Возвращение к Марксу” (*Zurück zu Marx*), первый гром в лавине публикаций, которой он разразится в последующие десятилетия. Юрген, самозабвенно увлекавшийся собственными речами, еще больше любил скрип своего пера. Он оставил невообразимое прижизненное наследие: не менее четырех тысяч опубликованных трудов, в том числе массу статей в прессе, памфлетов, речей, эссе о политике, экономике, стати-

стике и даже кулинарии. Юрген был бы неплохим автором, если бы мог держать себя в узде. Со временем его стиль утратил былую яркость, но он просто не мог взять себя в руки и кратко изложить то, о чем можно было поведать многословно. Его исследование условий труда вылилось в сорок томов. По сравнению с другими трудами “Возвращение к Марксу” было скромной работой на 500 страниц. Сестре он с характерным пафосом сообщил, что “надеется, рабочее с удовольствием прочтут ее”. Урсула предложила ряд редакторских правок: “Пиши проще, короткими фразами. Нужно стремиться к простоте изложения, чтобы понять могли все. Порой текст лишь усложняется, когда ради большей убедительности в двух-трех разных местах повторяется одно и то же, а меняется при этом лишь форма и строение предложений”. Этим превосходным советом Юрген пренебрег.

Дома и на работе Урсула трудилась на износ, а остальное время посвящала революции.

За несколько недель до своего девятнадцатилетия Урсула вступила в КПП, крупнейшую коммунистическую партию в Европе. При новом руководителе Эрнсте Тельмане партия испытывала все большее влияние ленинизма (а потом и сталинизма), отстаивая демократию, но принимая при этом указания и финансирование непосредственно от Москвы. У КПП было свое боевое крыло, вовлеченное в нарастающее противостояние с нацистскими штурмовиками. Коммунисты готовились к сражению. Лунными ночами в укромном уголке Грюневальдского леса первые друзья по Коммунистическому союзу молодежи Габо Левин и Хайнц Альтман учили Урсулу стрелять. Поначалу она постоянно промахивалась мимо мишени, пока Габо не заметил, что, целясь, она закрывает не тот глаз. Она оказалась отличным стрелком. Габо дал ей полуавтоматический пистолет Люгера и показал, как его разбирать и чистить. Она спрятала оружие за балкой на чердаке в Шлахтензее, сунув его в разорванную подушку. Когда наступит революция, она будет к ней готова.

Урсула участвовала в антифашистских демонстрациях. “Ужасно занята, – писала она. – Готовлюсь к годовщине революции в России”. В обеденный перерыв она отправлялась в центр Берлина, на окаймленный деревьями бульвар Унтер ден Линден, и читала коммунистическую газету *Die Rote Fahne* (“Красное знамя”). Бывало, оказавшись среди таксистов и зеленщиков, многие из которых были коммунистами, она заводила с ними оживленные политические дискуссии. В дневнике она писала: “Сколько же людей умирает от голода, сколько просит на улице милостыню...”

Однажды днем Урсула отправилась вместе с группой молодых леваков, членов Социально-демократической партии и КПП, купаться и загорать у озера недалеко от Берлина. Она потом вспоминала тот день. “Поворачиваюсь – и вижу юношу лет двадцати с небольшим, аккуратного, немного сутулого, с умным, почти красивым лицом. Он смотрит на меня. Глаза большие, темно-карие, еврей”. Молодой человек спросил, можно ли присесть рядом с ней и поболтать. “У меня нет времени, – ответила она. – Мне пора на курсы марксизма для рабочих”. Он проявил настойчивость, полюбопытствовав, не могут ли они увидеться снова. “Я подумаю об этом!” – ответила Урсула и умчалась прочь. Через несколько дней кареглазый молодой человек ждал ее у здания, где проводились курсы марксизма.

Рудольф Гамбургер учился на архитектора в Берлинском техническом университете. Руди был на четыре года старше Урсулы, оказался ее дальним родственником – его мать была троюродной сестрой Берты Кучински – и принадлежал к близкому ей кругу. Гамбургер родился в Ландесхуте, в Нижней Силезии, где его отец Макс владел текстильными мануфактурами, производившими военную форму. Средний из трех сыновей, Руди воспитывался в атмосфере либеральной политики и слегка поистрепавшейся еврейской интеллектуальной культуры. Макс Гамбургер построил жилой дом для своих 850 рабочих. Семья придерживалась прогрессивных, но отнюдь не революционных взглядов. Руди успел стать страстным сторонником модернизма в архитектуре и движения Баухаус. В числе его однокурсников, писал он, был “австрийский аристократ; японец, рисовавший интерьеры в педантично подобранных пастельных тонах;

анархист и девушка из Венгрии, твердо убежденная, без всяких на то оснований, в собственной гениальности”. Еще одним современником Руди был Альберт Шпеер, “архитектор Гитлера”, будущий нацистский министр вооружений и боеприпасов.

Урсула прониклась к молодому человеку симпатией и, повинувшись порыву, пригласила Гамбургера на коммунистическое собрание. Они поладили. Она опять пригласила его на собрание. “Наконец-то снова можно побыть с Руди, – писала она в дневнике. – Он помогает мне с чаем. Он не понимает, что я ставлю чайник на медленный огонь, чтобы вода подольше закипала... Руди говорит, у меня слишком легкое зимнее пальто. Он старается, чтобы я больше заботилась о том, как я выгляжу”. Купив себе новое пальто, она корила себя, что транжирит, когда другие умирают от голода. “Я скучаю по Руди, – писала она. – А потом злюсь, что такой человек может вскружить мне голову. И что он мне так нужен. А потом засыпаю в слезах”. Однажды вечером, когда они возвращались домой после концерта, Руди ненадолго остановился у уличного фонаря. “Он стоял против света. Его густые волосы были все так же удивительно непослушны, в глазах – неизменная печаль и таинственность, даже когда он смеялся или погружался в раздумья”. В тот момент Урсула влюбилась. “Способна ли секунда, фраза, выражение глаз человека внезапно преобразить все, что вы чувствовали раньше, в нечто новое?” – вопрошала она. Руди проводил ее домой. “В тот вечер он поцеловал меня, – писала она. – Я расстроилась, потому что у меня совсем пересохли губы. Мелочь, а я весь день тихо радовалась, думая об этом поцелуе”.

Руди Гамбургер был почти идеальным кавалером: добрым, остроумным, обходительным, к тому же из еврейской семьи. Их отношения одобряли и его, и ее родители. Когда она становилась слишком серьезной, он слегка ее поддразнивал. А когда он говорил о своих амбициях стать великим архитектором, в его больших карих глазах зажигались искры. Он был щедр. “Руди подарил мне плитку шоколада”, – рассказывала Урсула брату. Сладости были дефицитом, и она всячески подчеркивала, что это не было каким-то буржуазным баловством. “Он не тратил на нее денег. Мы такими глупостями не занимаемся. Но если его чем-то угощают, он всегда делится со мной”.

Руди намекал на женитьбу. Урсула не спешила.

Потому что у Рудольфа Гамбургера был лишь один недостаток: он не был коммунистом. Да, их роднило еврейское происхождение, культурные интересы и шоколадки, но возлюбленный Урсулы не был ее товарищем и, судя по всему, не был готов обратиться в ее веру.

Гамбургер придерживался либеральных и прогрессивных взглядов, но коммунизм был для него для него чертой, которую он не был готов переступить. Все их ссоры развивались по одному и тому же сценарию.

– Ты сомневаешься в социализме в целом и в наших убеждениях в частности, – настаивала Урсула. – Твои взгляды на коммунизм продиктованы эмоциями и лишены какого бы то ни было научного обоснования.

Руди перечислял свои претензии к коммунизму:

– Перегибы в прессе, примитивный тон некоторых статей, утомительные, приправленные жаргоном речи, категорическое неприятие противоположной точки зрения, топорное отношение к интеллектуалам, которых вы изолируете, вместо того чтобы привлекать на свою сторону, оскорбление оппонентов вместо того, чтобы обезоруживать их логикой и вербовкой.

Урсула отметала все эти доводы как “типичную буржуазную мелочность”. Но в душе “она знала, что в его словах было зерно правды”. И от этого занимала еще более непримиримую позицию.

Как правило, ссоры заканчивались шутками Руди:

– Давай не ссориться. Разве мировая революция – повод для скандала?

Руди вступил в МОПР, благотворительную организацию рабочих, связанную с коммунистами. Он прочел отдельные труды Ленина и Энгельса и объявил себя “сочувствующим”. Но

категорически отказался вступать в КПГ и принимать участие в агитационной работе Урсулы. Внешне благодушный, Руди отличался удивительным упрямством, и никакие уловки не могли убедить его вступить в партию. “Мне не все нравится в партии, – говорил он. – Возможно, я постепенно к этому приду, если ты не будешь меня торопить”.

После очередного, особенно бурного спора Урсула написала: “Когда Руди сомневается в самой жизнеспособности социализма, я расстраиваюсь и парирую. Для него наши разногласия сродни спорам о книгах или искусстве, по мне же, они затрагивают самые насущные проблемы, наше отношение к жизни в целом. В такие моменты он кажется мне совершенно чужим”. Но Урсула не собиралась сдаваться. Выписав ряд цитат из трудов коммунистов, она вручила этот список Руди – мало кто мог похвастаться таким залогом любви. “По-моему, его вступление в партию – лишь вопрос времени, – говорила она Юргену. – Но на это запросто может уйти еще года два”.

В апреле 1927 года Урсула уволилась из магазина Прагера, навсегда расставшись с ненавистным Луковицей, и устроилась помощницей в архивный отдел еврейского издательства “Ульштейн”, владелец которого был евреем и одним из крупнейших в Германии издателей газет и книг. Выйдя на работу, она первым делом получила задание написать для *Die Rote Fahne* статью о ненадлежащих условиях труда на новом месте. “Прямо у входа раздали тысячу двести бесплатных экземпляров, и это произвело большое впечатление”. Несомненно, руководство тоже не осталось равнодушным.

Не продержавшись у Ульштейна и года, Урсула была уволена. Она умела создавать неприятности, а в период политических восстаний и роста антисемитизма неприятности требовались издательству в последнюю очередь.

- Вам придется уйти, – сообщил ей Герман Ульштейн.
- Почему? – спросила Урсула, прекрасно зная ответ.
- Демократическое предприятие ничего не может предложить коммунистке.

Оказалось, что при скудном и разнородном опыте работы, да еще и в условиях постоянно растущей безработицы, новое место найти не так-то просто. От подачек родителей она отказалась. Ей нужен был стимул, новое, незнакомое место, где можно было бы предаться размышлениям и писать. Она жаждала приключений на новом поприще. И ее выбор пал на Америку.

Великий Ленин писал: “Сначала мы захватим Восточную Европу, затем массы Азии. Мы окружим Соединенные Штаты Америки, последний оплот капитализма. Нам не нужно будет нападать на него. Он упадет в наши руки сам – как перезрелая груша”. Америка была готова к революции. Кроме того, Юрген до сих пор жил там, и Урсула хотела с ним увидеться. Решение было принято: она поедет в США и вернется, когда Руди закончит учебу. Или не вернется. Это было крайне романтическое решение, а для незамужней женщины двадцати одного года от роду, ни разу не бывавшей за границей, – еще и удивительно смелое. Не вняв мольбам матери и отказавшись от финансовой помощи отца, в сентябре 1928 года Урсула поднялась на борт пассажирского парохода, отправлявшегося в Филадельфию. Провожая ее, Руди гадал, увидятся ли они снова.

Накануне Великой депрессии Америка была средоточием бурной жизненной энергии и удручающей бедности, страной огромных возможностей и разложения, смелых надежд и надвигающихся экономических бедствий. Впервые в жизни Урсула обрела независимость. Поначалу она устроилась преподавать немецкий язык детям в семье квакеров, а потом – горничной в отель “Пенсильвания”. Она быстро совершенствовала свой и без того хороший английский. Месяц спустя она села на поезд до Нью-Йорка и направилась в Нижний Ист-Сайд на Манхэттене.

Поселение Генри-стрит Сеттлмент, основанное прогрессивной сторонницей реформ и медсестрой Лилиан Уоллд, предоставляло бедным иммигрантам города доступ к медицинской помощи, образованию и культуре. Им давали бесплатное жилье в обмен на несколько часов

общественных работ один раз в неделю. Уолд была душой этого поселения, борцом за права женщин и меньшинств, суфражизм и расовую интеграцию, феминисткой, опережавшей свое время. Она поразила воображение новой гостью Генри-стрит Сеттлмент и стала для нее вдохновляющим примером. Их первая и единственная встреча произвела на Урсулу неизгладимое впечатление. “Строительство счастья людей требует активного взаимодействия между мужчиной и женщиной; эту задачу нельзя сваливать на плечи лишь одной половины мира”, – утверждала Уолд. Урсула переехала в поселение и получила место в книжном магазине Проснита в Верхнем Манхэттене.

Урсула провела в США почти год. Этот опыт стал для нее основополагающим, здесь начались ее противоречивые отношения с капиталистическим Западом, которые сохранятся до самого конца ее жизни. Политические и экономические крайности Америки в конце “революционных двадцатых” были сопоставимы с тем, что происходило в Веймарской Германии. Нью-Йорк опередил Лондон, став самым густонаселенным городом на земле, где проживало свыше десяти миллионов жителей. Он был наполнен энергией, творчеством и богатством, одержим новыми технологиями, автомобилями, телефонами, радио и джазом. Но под блестящей оболочкой назревала катастрофа, в то время как мелкие и крупные инвесторы вливали деньги в перегревающуюся биржу, убежденные, что этот взлет не может закончиться крахом.

В отличие от Луковицы, Проснит с радостью взял на работу страстную любительницу чтения. Урсула уже была знакома с литературой марксизма-ленинизма: она цитировала наизусть целые абзацы, порой чересчур этим увлекаясь. Среди покупателей Проснита было много американских коммунистов, которым открывала новые горизонты пролетарская литература – книги, написанные писателями из рабочего класса для классово сознательного читателя. Урсула была поражена интеллектуальной мощью американских левых. Особенно созвучна ей была одна новая книга. В апреле 1929 года в свет вышел роман радикальной американской писательницы Агнес Смедли “Дочь Земли”. Героиня этой слегка завуалированной автобиографии Мэри Роджерс, молодая женщина из обедневшей семьи, преодолевает трудности в личных отношениях и вступает в борьбу за международный социализм и независимость Индии. “У меня нет страны, – заявляет героиня Смедли. – Мои соотечественники – мужчины и женщины, борющиеся против порабощения... Я из тех, кто погибает в иной борьбе, из тех, кто истощен нищетой, тех, кто пал жертвой богатства и власти, из тех, кто бьется за великое дело”. “Дочь Земли” сразу же стала бестселлером, а Смедли превозносили, окрестив ее “матерью женской радикальной литературы”. Урсула прочла эту книгу как призыв к действию: женщина, отчаянно заступающаяся за угнетенных, требует радикальных перемен и готова погибнуть в борьбе за идею, рискованную и романтическую.

Спустя несколько недель после приезда в Нью-Йорк Урсула вступила в Американскую коммунистическую партию. Весной того же года, отправившись в социалистический лагерь на Гудзоне, она столкнулась с Майклом Голдом, знакомым ее родителей и самым известным на тот момент представителем радикалов в Америке. Голд – псевдоним Ицхока Айзека Гранича. Сын румынских евреев-иммигрантов, выросший в бедности на Нижнем Ист-Сайде, он был преданным коммунистом, основателем марксистского журнала *The New Masses* и яростным спорщиком. Голд любил лезть на рожон. Когда он назвал Хемингуэя “перебежчиком”, писатель отправил ему резкий ответ: “Передайте Майку Голду: Эрнест Хемингуэй сказал, чтобы он шел в жопу”. Урсула заявляла, что роман Голда “Евреи без денег” – “одна из ее любимых книг”.

Испытывая одновременно восторг и отвращение к Нью-Йорку, Урсула скучала по дому, по товарищам и родным. И больше всего – по Руде.

Осенью 1929 года она села на пароход в Германию. Через несколько недель на американской бирже произошел обвал, ввергнувший миллионы людей в нищету и послуживший началом Великой депрессии.

Едва увидев Руди, ожидавшего ее в порту, Урсула поняла, как сильно любит его. Пока она была в Америке, ее сомнения относительно политических взглядов Руди ослабли. Рано или поздно он прозреет. В октябре Урсула Кучински и Рудольф Гамбургер поженились. Церемония была скромной, присутствовали только члены семьи и близкие друзья.

Молодожены были счастливы, безработны, бедны и – в случае Урсулы – всецело заняты агитацией за революцию. Они из принципа отказывались брать деньги у родителей, перебравшись в крошечную однокомнатную квартирку без отопления и горячей воды. Урсула носилась по всему Берлину, писала статьи для *Die Rote Fahne*, организовывала театральные агитпроп-постановки и выставки радикальной литературы. Руководство партии поручило ей создать марксистскую библиотеку для рабочих, чтобы они могли знакомиться с актуальной левой литературой. Вместе с Эрихом Хеншке, ортодоксальным евреем из Данцига, который работал могильщиком, Урсула ходила по Берлину с тележкой, собирая коммунистическую литературу у радикальных издателей и сочувствующих товарищей. Когда в газете появилась фотография Урсулы с книжной тележкой, родители пришли в ужас. “Толкать телегу по городу мне было можно, а вот фотографироваться с ней – нельзя”. Хеншке был коммунистом-вышибалой, он бы с гораздо большим удовольствием как следует отделал штурмовиков, чем собирал книги, которые и читать-то не желал. Наконец собрав две тысячи томов, они расставили их на временных стеллажах в бывшей голубятне в еврейском рабочем квартале. Руди сделал вывеску, выведя на ней большими красными буквами: “Марксистская библиотека для рабочих. 1 книга на дом – 10 пфеннигов”. Первым читателем стал пожилой заводской рабочий: “Есть у вас что-то попроще про социализм для моей жены, без иностранных слов?” Дело шло не слишком бойко, и стойкий запах голубиного помета явно не шел ему на пользу.

Урсула стояла на стенде Революционной книжной ярмарки в Берлине, когда к нему подошел элегантный иностранец с темной кожей и принялся изучать представленные издания. Она порекомендовала ему прочитать “Дочь Земли”. Немного сокрушенно он ответил, что уже читал ее, потому что Агнес Смедли – его бывшая жена. Урсула была поражена: незнакомцем оказался индийский революционер Вирендранат Чатопадайя.

Популяризация марксистской литературы была занятием приятным, идеологически похвальным и совершенно неприбыльным. Руди был теперь дипломированным специалистом, но работы не хватало, и это угнетало его. Приятель Урсулы нанял его для оформления (полностью в красном цвете) интерьера коммунистической Красной книжной лавки у вокзала в Гёрлице. Вдобавок Руди составлял план расширения библиотеки тестя и работал над проектом нового отеля. Но по мере того как набирала обороты Великая депрессия, заказов становилось все меньше и меньше.

Помощь подоспела издалека. Друг детства Руди Гельмут Войдт работал в Шанхае на немецкую фирму “Сименс”. В начале 1930 года Войдт сообщил Руди телеграммой о вакансии, опубликованной в шанхайской газете: шанхайскому муниципальному совету, находившемуся в ведении Великобритании, требовался архитектор для строительства административных зданий. Подав заявку, Руди немедленно получил ответ: если он самостоятельно оплатит дорогу в Китай, место ему обеспечено. Войдт предложил им бесплатно разместиться на верхнем этаже своего дома в Шанхае.

Поначалу Урсула колебалась. Не бросает ли она своих товарищей, вновь покидая Германию? Но революция происходила по всему миру, а Китай влек невероятной романтикой. Урсула сообщила в штаб-квартиру КПП, что отправляется в Шанхай и намерена вступить в Коммунистическую партию Китая, как до этого вступила в американскую. “Коммунизм – международное явление, я могу работать и в Китае”, – наивно сообщила она товарищам.

Урсула не имела ни малейшего понятия, что бросается в настоящее политическое пекло. В Шанхае действительно существовала Китайская коммунистическая партия, но она была объявлена вне закона, подвергалась гонениям и была на грани уничтожения.

Глава 2. Восточная блудница

Урсула покинула Берлин в твердой уверенности, что коммунистическая революция в Германии – лишь дело времени, и притом ближайшего. Она сожалела, что все пропустит. После разгромного поражения нацистской партии на президентских выборах головорезы Гитлера казались несуразной мелочью, досадной исторической аномалией. Будущее виделось ей предельно четко – и бесконечно далеко от реальности. Через три месяца нацисты станут второй по численности партией в Германии, восхождение Гитлера будет неотвратимым, в стране развернется кампания по борьбе с коммунистами.

Теплым июльским вечером 1930 года Урсула и Руди сели в поезд до Москвы с билетами в один конец. На дорогу в Шанхай денег у них хватало, а на возвращение – нет. Их пожитки состояли из двух чемоданов с вещами, запасов сухой колбасы, хлеба, бульонных кубиков, маленькой спиртовки и шахмат. В Москве они пересели на Транссибирский экспресс и продолжили неспешное путешествие на восток. Со своей полки Урсула наблюдала, как за окном проплывают российские просторы с океаном березовых лесов до самого горизонта. Когда поезд сделал непредвиденную остановку между станциями, пассажиры высыпали из вагонов, радуясь, что можно немного размяться. “Зазвучал аккордеон, люди стали танцевать. Нас вскоре подхватили за руки, и мы тоже начали танцевать”. Где-то в советской Сибири Урсула и Руди кружились на лугу под звуки русского аккордеона.

В Маньчжурии они сели на поезд Китайско-Восточной железной дороги до Чанчуня, потом сделали пересадку на Южно-Маньчжурскую линию до Даляня, а там уже – на пароход, преодолевая последний этап путешествия длиной в 600 миль – через Желтое море до Шанхая.

Первым делом Урсулу поразил запах: это был удушающий смрад нищеты, поднимавшийся от шанхайской гавани, миазмы пота, канализации и чеснока. В Веймарской республике она насмотрелась на страдания людей во время экономического кризиса, но ничего подобного ей видеть не доводилось. “В окружавших пароход джонках были попрошайки, стонущие инвалиды с культями вместо рук и ног, дети с гноящимися ранами, одни – слепые, другие – с лысыми, покрытыми струпами головами”. Вереница изможденных, истощенных носильщиков превращалась “в человеческий конвейер”, тянувшийся от парохода до берега.

У причала в ослепительно белом тиковом костюме и пробковом шлеме их встречал Гельмут Войдт со своей женой Марианной, сжимавшей в руках огромный букет цветов. На рикше они домчали до просторной виллы, стоявшей на зеленом проспекте Французской концессии, где предпочитало жить большинство деловых людей, подальше от смрада и гомона порта. Лакей-китаец в белых перчатках наливал прохладительные напитки. Слуги, кланяясь, подавали подносы с едой. Пыльные чемоданы унесли, и Урсула с Руди, облаченные в новенькие кимоно, потягивали коктейли на просторной веранде с видом на ухоженный сад. Всего пара мгновений – и Урсула перенеслась из одного мира в другой.

В 1930 году Шанхай можно было без преувеличения назвать воплощением социального и экономического неравенства, где между бедными и богатыми пролегал зияющая пропасть. В этом полуколониальном, полукитайском городе пятьдесят тысяч иностранцев проживали в окружении почти трех миллионов китайцев, в большинстве своем прозябавших в условиях крайней нищеты и безысходности. Местное международное сообщество состояло из британцев, американцев, французов, немцев, португальцев, индийцев, русских белоэмигрантов, японцев и прочих; одни были беженцами без гроша в кармане, другие – новоиспеченными плутократами, сколотившими невероятное состояние. В результате политических беспорядков, голода во внутренних областях Китая и последствий Великой депрессии в город хлынула новая волна людей, отчаянно нуждавшихся в работе и пропитании. Трупы рикш валялись между оглоблями их колясок, а мимо курсировали блестящие новые американские автомо-

били с шоферами в униформе. Шанхай был крупнейшим городом в Китае, центром торговли Восточной Азии. Предприятия и банки стремились перещеголять друг друга, строя все более масштабные здания вдоль фешенебельной набережной Бунд. Но за броскими фасадами торгового квартала и иностранных анклавов скрывался другой Шанхай, город потогонных фабрик, текстильных мануфактур и жилых домов с тесными квартирками, кишаций болезнями, полный отчаяния и назревавшего политического недовольства. Именно в Шанхае зародился китайский промышленный пролетариат и появилась Коммунистическая партия Китая (КПК). Америка, как уяснила Урсула, для революции не созрела – чего нельзя было сказать о Китае.

После опиумных войн XIX века Китайская империя выделила иностранным державам – Британии, Франции и Америке – экстерриториальные “концессии” вдоль реки Янцзы, кварталы, существовавшие по принципу самоуправления, с собственными законами и собственной администрацией. Германия отказалась от своих экстерриториальных прав после Первой мировой войны, передав 1500 проживавших здесь немцев в юрисдикцию китайского законодательства. Международный сектмент управлялся шанхайским муниципальным советом – выборным органом, состоявшим из местных иностранцев, где при этом доминировали британцы, возглавлявшие все департаменты за исключением муниципального оркестра, находившегося, разумеется, в ведении итальянца. Чтобы доехать на автомобиле из одного конца города в другой, требовалось три разных водительских удостоверения. Три полиции – французская, китайская и шанхайская муниципальная, находившаяся под руководством британцев, – соперничали, наступая друг другу на пятки и с трудом сдерживая нарастающую волну преступности.

“Восточный Париж”, Шанхай, где модные магазины стояли бок о бок с опиумными приотонами, кабаре, древними храмами, кинотеатрами и борделями, был еще и “восточной блудницей”. В Шанхае, как вспоминал родившийся там британский писатель Дж. Г. Баллард, “было возможно все, и все можно было купить и продать”. Одновременно блестящий и неприглядный, роскошный и обшарпанный, Шанхай был пристанищем бесконечной многонациональной толпы нищих, миллионеров, проституток, гадалок, игроков, журналистов, гангстеров, аристократов, военачальников, художников, сутенеров, банкиров, контрабандистов и шпионов.

У немецкой общины в Шанхае были собственная церковь, школа, больница и клуб “Конкордия” – расположенный на Бунде чудовищный *Schloß* в баварском стиле с башенками, оснащенный танцевальным залом и кегельбаном. Жившие в Шанхае немцы собирались здесь, чтобы поиграть в карты, выпить, попеть патриотические песни, поностальгировать по отчизне и посетовать на своих китайских слуг. Царьком этого небольшого уголка Германии был генеральный консул Генрих Фрайгер Рюдт фон Колленберг-Бёдигхайм, опытный дипломат и ярый приверженец нацистов, который позднее станет послом Гитлера в Мексике.

Свой первый вечер в Шанхае Урсула и Руди Гамбургер провели в клубе. Далее последовал бесконечный поток приглашений: на чай с Константином Робертом Эгингардом Максимилианом фон Унгерн-Штернбергом, балтийским аристократом и потомком Чингисхана, которому едва удалось бежать от большевиков (его старший брат Роман, свирепый военачальник Белой гвардии, известный как Безумный барон, после захвата Сибири попал в плен и был расстрелян красногвардейцами); на ужин с Гансом Штюбелем, профессором этнологии и экспертом по китайским татуировкам; на вечеринку у бассейна в доме бизнесмена Макса Каттвинкеля; на коктейли с Карлом Зеебомом, представителем химического предприятия “И. Г. Фарбен”, обладателем стеклянного глаза, значительного личного дохода и 300 граммофонных пластинок. Завсегдатаем клуба был и Иоганн Плаут, самый значительный – и преисполненный собственной значимости – журналист в немецкой общине.

В “Конкордию” залетали и редкие птицы, такие как Роза Гольдшмидт и Бернардин Сольд-Фриц. Дочь немецкого еврея-банкира, толику славы Гольдшмидт уже снискала своими путевыми заметками, но все же намного больше она прославилась благодаря собственной вагине. Роза была замужем за берлинским гинекологом Эрнстом Грэфенбергом, который

сделал себе имя на изучении женского оргазма: именно в его честь была названа “точка G”, эрогенная зона влагалища. Сделанное мужем открытие не помешало, однако, Розе развестись с ним после пяти лет совместной жизни и выйти замуж за шестидесятилетнего Франца Ульштейна (наследника издательского дома, где когда-то работала Урсула), чья родня была настолько недовольна их связью, что объявила новую избранницу французской шпионкой. Роза станет военной корреспонденткой *Newsweek*, успешной писательницей и графиней – благодаря браку с венгерским аристократом. Бернардин Сольд-Фриц была близкой подругой Розы и ее неотступной соперницей в свете: входя в нью-йоркское общество, где бывали Дороти Паркер и Ф. Скотт Фитцджеральд, Бернардин была замужем (*pro tem*²) за Честером Фрицем, зажиточным американцем, торговавшим металлами и получившим прозвище “Мистер Сильвер”. Бернардин устраивала вечеринки грандиозного размаха, щеголяя в огромных серьгах-кольцах, увесистом ожерелье из балийского серебра и тюрбане. “Большую часть дня она проводила, расхаживая по выкрашенной в красно-черных тонах квартире, не выпуская из рук телефона с проводом непомерной длины, организуя званые ужины, чаепития и собрания своей любительской театральной труппы”. Ни одной живой душе она не признавалась, что на самом деле была родом из Пеории, штат Иллинойс.

Эти светские львицы были классовыми врагами Урсулы, но, несмотря ни на что, она была ими ослеплена – и очарована. Их жизнь и интересы были бесконечно далеки от ее собственных, но она легко сходилась с людьми, изучала каждого нового персонажа как очередной сюжет и живописала их портреты в своих письмах и дневниках. “Мы побывали на изысканной коктейльной вечеринке у госпожи Честер-Фриц: у нее восхитительная квартира, шляпы-тюрбаны, серьги размером с теннисные мячи, благородно очерченные брови и множество друзей-художников и интеллектуалов”. В другом письме она сообщала: “Были на коктейле у Унгерн-Штернбергов. Оба рафинированные интеллектуалы и невероятно изысканны”. Роза и Бернардин помогали Урсуле выбирать наряды в магазинах и старались переплюнуть друг друга, наряжая свою протезу по последней моде.

Но блеск заграничной жизни вскоре приелся, и, проведя всего несколько недель в пустой светской суеде, Урсула отчаянно нуждалась в интеллектуальной подпитке. В одном из писем она сетовала: “Дамы – словно диванные собачонки. Не работают, домашним хозяйством не занимаются, не интересуются ни наукой, ни культурой. Даже о детях не заботятся. Мужчины несколько лучше, у них есть дело, и они немного работают”. Чаепития с Бернардин Сольд-Фриц и Розой Грэфенберг стали постылой повседневной обязанностью: “Всегда одно и то же. Сперва немного сплетен за бриджем и маджонгом, потом обсуждение вчерашних собачьих бегов или последнего фильма... на днях мы играли в мини-гольф, он пользуется в Шанхае большим успехом”. Большинство ее соотечественников не интересовались Китаем за пределами своего анклава, а по отношению к китайцам были ярыми расистами. Свои политические взгляды Урсула старалась не афишировать. В “Конкордии”, клубе “Ротари” и у бассейна Каттвинкелей о Гитлере отзывались с восторгом, как о человеке с большими перспективами.

Как жена нового архитектора муниципального совета, Урсула должна была принимать в гостях британских коллег Руди. Самым важным из них был Артур Джимсон, руководитель отдела строительства общественных сооружений, отвечавший за дороги, мосты, дренажные системы, канализацию и новые здания в сеттлменте. Столп Инженерного общества Китая, ветеран войны и умопомрачительный зануда, Джимсон гордился своим детищем – всеобъемлющим трудом “Фундаменты дорожного моста в Сычуане и справочные материалы по несущей способности свай”. Урсула описывала его как “безумного холостяка”, присылавшего ей в знак любезности мешки удобрений для сада. Еще был Чарльз Генри Стейблфорд, глава отдела планирования, строивший новую бетонную скотобойню, которую в дальнейшем в журнале *The*

² *Pro tempore* (лат.) – временно.

Architectural Review назовут “шедевром ар-деко и одной из первых попыток объединить потрясающих животных с потрясающей архитектурой”. Урсулу не трогала ни несущая способность свай, ни преимущества наливного бетона в строительстве скотобоев. Принимая в гостях британских коллег Руди, трудно было не увязнуть в трясине светского болота.

Бернардин со своими утомительными вечеринками и роскошными нарядами, доводящий до одури Джимсон со своим компостом, самодовольные зануды-расисты в клубе – пусть они и не подтолкнули Урсулу к откровенному мятежу, но определенную роль точно сыграли.

Пока экспатрианты танцевали и наслаждались праздностью, за фасадом шанхайского общества шла жестокая, полусекретная шпионская война. Ведь, помимо торговли, наркотиков и порока, Шанхай прославился еще и как восточная столица шпионажа. Иностранцам не требовались здесь ни паспорта, ни визы, они приезжали и уезжали без вида на жительство и часто подчинялись лишь законодательству своих стран. Шпионы, как и преступники, анонимно ускользали из-под одной юрисдикции в другую. С внешним миром они, как правило, поддерживали связь с помощью коротковолновых радиоприемников, и в городе их действовало такое множество, что вычислить нелегальную аппаратуру было совершенно невозможно. Агенты националистического правительства Китая шпионили за местными и иностранными коммунистами. Подпольные коммунисты шпионили за властями и друг за другом. Советский Союз развернул целую армию тайных агентов и информаторов по всему городу. Англичане, не без помощи американцев, шпионили за всеми, притом постоянно.

В главной шпионской схватке в Шанхае столкнулись правящие националисты под руководством генералиссимуса Чан Кайши и китайские коммунисты, получавшие поддержку Советского Союза, – они сцепились в гражданской войне, которая без перерыва продлится следующие два десятилетия. В 1923 году Сунь Ятсен, отец-основатель Китайской Республики и руководитель националистической партии Гоминьдан, заключил альянс с Советским Союзом. В Кантон прибыла группа советских чиновников под руководством революционера-большевика Михаила Бородина, чтобы раздать указания, деньги и военную помощь. Однако четыре года спустя хрупкий пакт между Гоминьданом и КПК рухнул, и силы Чан Кайши, преемника Суня, приступили к беспощадной чистке коммунистов. Бородина с его советниками выдворили восвояси.

Никто не знает в точности, сколько человек стали жертвами Белого террора, устроенного силами Чана и сотрудничавших с ними бандитов. Убийцы не вели учет, но считается, что около 300 000 человек были арестованы и убиты. Особенно ужасающие кровавые расправы устраивались в Шанхае. Работавший здесь советский агент Отто Браун писал: “Приспешники Чан Кайши при поддержке международной полиции днем прочесывают текстильные фабрики, а по ночам – китайский квартал в поисках коммунистов. Перед теми, кого они хватали, стоял страшный выбор: стать предателями или быть убитыми... Эта кампания систематического уничтожения загнала коммунистов в глубочайшее подполье”.

Советскому Союзу Китай виделся колыбелью следующей фазы мировой революции, и для достижения этой цели Москва развернула широкомасштабную шпионскую кампанию в поддержку гонимых китайских коммунистов.

Советские шпионы появлялись в Шанхае в ошеломляюще разнообразных обликах, представляя разные подразделения советской разведки и власти; порой они сотрудничали друг с другом, но чаще путались друг у друга под ногами и даже соперничали.

Коммунистический интернационал, или Коминтерн, основанный в 1919 году для поддержки революционного движения по всему миру под руководством Москвы, использовался в Китае как ширма для шпионажа. Его Отдел международных связей (ОМС) собирал и распространял секретные разведданные, занимался контрабандой оружия, распределял финансирование, раздавал инструкции и курировал многочисленные подпольные коммунистические группы. Годовой бюджет Дальневосточного бюро Коминтерна составлял 55 000 долларов в

золоте, рейхсмарках, йенах и мексиканских долларах, выделявшихся на разжигание коммунистической революции в Китае, Японии, Британской Малайе и на Филиппинах.

Была еще и сталинская гражданская служба разведки, НКВД (предшественник КГБ), содержавшая в Шанхае свою собственную сеть для сбора политических и экономических тайн, ликвидации врагов Москвы и предотвращения потенциальной контрреволюции в Китае.

Но самой важной шпионской сетью СССР в Шанхае руководила военная разведслужба, официально – 4-е управление Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии. (В 1942 году Сталин переименовал его в Главное разведывательное управление, или ГРУ, под этим названием оно существует до сих пор.) Задача крайне дисциплинированного, маниакально скрытного и исключительно беспощадного 4-го управления состояла в обороне Советского Союза и защите революции путем сбора, приобретения или похищения военных тайн. Московская штаб-квартира этого подразделения была известна под незамысловатым кодовым названием “Центр”.

Со времен Шанхайской резни сотрудники ГРУ работали не под видом аккредитованных дипломатов, а как “нелегалы” под прикрытием, выступая в роли журналистов, бизнесменов или учителей. Соперничество в советских разведывательных организациях в дальнейшем выльется в кровавую междоусобицу. Но китайскому националистическому правительству не было дела до различий между шпионами из России: для него все они были коммунистами-подрывниками, засланными для разжигания волнений и подлежащими уничтожению наравне с местными китайскими революционерами.

Урсула никогда не сомневалась, что коммунисты в конце концов выйдут победителями в развернувшейся в Шанхае ужасной тайной войне. Как прилежная марксистка, она считала, что исход истории предрешен: угнетенный китайский пролетариат неизбежно восстанет и под предводительством коммунистов свергнет капиталистический порядок, сметя с лица земли буржуазию и ее империалистических покровителей. Но даже при таком раскладе китайский коммунизм казался чужим и малопонятным. В Берлине Урсула была частью мощного движения; здесь же – сторонним наблюдателем событий, которые понимала лишь смутно. “Если не считать жары, скуки и моего трудного привыкания к шанхайскому «обществу», меня терзало отсутствие непосредственного контакта с китайским народом. Грязь, бедность и жестокость были мне отвратительны. Я волновалась: а вдруг я коммунистка только в теории?”. Как и многие люди, с рождения обладавшие привилегиями, она сомневалась, хватит ли ей мужества для столкновения с грязной, противоречивой с точки зрения морали и зачастую жестокой реальностью революции. Может ли человек быть революционером и при этом получать удовольствие от хороших вещей, например от новой одежды? Или она обязана носить лишь власяницу коммунистической догмы? О политике она не говорила ни с кем, кроме Руди, который был слишком занят в Шанхайском муниципальном совете, чтобы уделять этим беседам должное внимание.

Тоскуя по дому, она бродила по Джессфилд-парку, навевавшему ей воспоминания о берлинском Тиргартене. Впадая в меланхолию, она всегда предпочитала одиночество. В Шанхае стояло душливое лето. “Асфальт вчера снова начал таять и лип длинными черными полосками к моим туфлям, проезжавшие машины оставляли на дороге глубокие борозды”. Урсула безвольно лежала на кровати на верхнем этаже просторной квартиры Войдтов. Жизнь жены колониального чиновника, размышляла она, это упражнение в праздности. “Дома делать нечего: всё делают бой-слуга, повар и кули”. В перерывах между коктейльными вечеринками и раундами по мини-гольфу она впадала в совершенную апатию, сил не хватало даже на чтение. Свою сонливость она связывала с местным климатом. “Жара истощает всю энергию... Потеешь невероятно – пот проступает не каплями, а струится ручьями”. В конце концов она обратилась к врачу, и тот сообщил ей, что она на шестом месяце беременности.

Урсула и Руди были на седьмом небе от счастья. Но в следующие четыре месяца будущая мать не собиралась ограничиваться исключительно вынашиванием ребенка, прохладаясь и перекладывая все заботы на слуг. “Мне нужно было найти себе занятие”.

Шанс подвернулся в виде коренастого и напыщенного журналиста Плаута, дальневосточного корреспондента Телеграфного бюро Вольфа и руководителя телеграфной Трансокеанской службы Гоминь, полуофициального китайского новостного агентства, штамповавшего националистическую пропаганду. “Плаут срочно ищет умного секретаря, поэтому я пошла к нему в контору и спросила, не смогу ли быть ему в чем-то полезной, чему он оказался весьма рад. Разумеется, я сообщила ему, что жду ребенка, и он разрешил мне приходить и уходить, когда я захочу”.

Плаут попросил Урсулу привести в порядок его газетные вырезки. “Я читала всё и многое узнала”, – писала она. Плаут, двадцать лет проживший в Шанхае, прекрасно разбирался в китайской политике и часто подробно рассуждал о ней, приправляя свои речи именами важных персонажей, с которыми водил знакомство. “Он часто отрывает меня от работы, чтобы рассказать что-нибудь интересное, – писала Урсула. – Плаут упивался собой, но действительно был одним из ведущих экспертов по Азии, и в частности по Китаю”.

Однажды днем, посреди очередной бесконечной лекции, Плаут упомянул имя, услышав которое Урсула едва не подскочила на месте, – Агнес Смедли.

Американская писательница находилась в Шанхае и, по-видимому, работала корреспондентом одной из крупнейших немецких газет, *Frankfurter Zeitung*. Рассказав, какое неизгладимое впечатление произвел когда-то на нее роман Смедли, Урсула сообщила Плауту, что “жаждет познакомиться с ней, но не решается подойти к столь выдающейся личности”. Тогда Плаут широким жестом взял телефон, набрал номер и передал трубку Урсуле. На другом конце провода была Агнес Смедли. Женщины договорились встретиться на следующий день в кафе отеля “Катай”.

Смедли спросила у Урсулы, как она ее узнает.

“Мне двадцать три года, рост метр семьдесят, черные волосы, большой нос”, – ответила Урсула.

Агнес Смедли громко расхохоталась. “А мне тридцать четыре года, рост средний, внешность ничем не примечательная”.

Недавно отстроенный одиннадцатизэтажный отель “Катай” был грандиозным оплотом капитализма, воплощением торгового могущества Запада с зеленой пирамидальной башней и отделкой в тюдоровском стиле. Несколько месяцев назад Ноэл Кауард написал здесь первый черновик “Интимной комедии”. Самый роскошный отель к востоку от Суэца, “Катай” был не самым подходящим местом для встречи главной радикальной писательницы Америки и молодой коммунистки из Германии, зато дата была выбрана как нельзя лучше: 7 ноября, тринадцатая годовщина Октябрьской революции. Обе дамы в честь этого события появились с букетами красных роз: Урсула собиралась поставить свой в гостиной Войдтов, таким образом завуалированно выражая свои симпатии, а Смедли планировала передать букет корреспонденту советского новостного агентства ТАСС, отмечая годовщину более открыто. Цветочное совпадение стало добрым предзнаменованием.

Смедли трудно было назвать непримечательной (с возрастом она тоже слухавила: ей было тридцать восемь). С короткой стрижкой, в одежде мужского кроя, она резко выделялась на фоне разодетых в пух и прах иностранок в Шанхае. “Агнес на вид умная женщина из рабочего класса, – писала Урсула в полном восторге в письме родителям. – Одета просто, редкие каштановые волосы, невероятно живые серо-зеленые глаза, лицо некрасивое, но черты правильные. Когда она зачесывает волосы назад, виден очень крупный, выпуклый лоб”.

До этого Урсула никогда встречала никого подобного, но ведь и Агнес Смедли была одна в своем роде.

Женщины подружились за английским чаем, поданным в костяном фарфоре. Урсула безудержным потоком изливала свои надежды и волнения. Она рассказывала о том, как ей скучно и одиноко, об удручающей нищете, которую ей доводилось наблюдать ежедневно, об отчужденности от других европейцев. “Впервые после прибытия в Шанхай я свободно говорила о своих политических взглядах”. Она поведала о своем воспитании в Германии, о решении вступить в партию и об огромном впечатлении от “Дочери земли”. Она рассказала о Руди: о его доброте, спокойствии, политической апатии и безучастном отторжении коммунизма. Смедли слушала внимательно, курила и кивала. Когда Урсула закончила, Агнес поведала ей историю своей жизни, которая в действительности оказалась еще более невероятной, чем в опубликованном годом ранее художественном изложении.

Смедли родилась в 1892 году в двухкомнатной лачуге без электричества и водопровода, а выросла в захудалом шахтерском городишке в Колорадо. Ее отец, наполовину индеец чероки, перебивался случайными заработками: торговал скотом, устраивался ковбоем, был странствующим знахарем, развозил уголь, – кочевник-алкоголик с “душой и фантазией бродяги”; мать сносила издевки и пребывала в депрессии; тетя подрабатывала проституцией. В детстве Смедли своими глазами видела стачки шахтеров в Колорадо, ожесточенные кровопролитные столкновения бастующих горняков и наемных мордоворотов, натравленных на протестующих руководством угольных компаний. Мать Агнес умерла в сорок лет, после ее кончины отец “пал на колени с театральными рыданиями, а потом перерыл содержимое ее старого жестяного сундука. Найдя между лоскутами для одеяла сорок долларов, он отправился в салун и напился с парнями”. Агнес собирала знания по крупицам из чтения, попадавшего под руку: “от бульварных романов до отвратительной книги по юриспруденции и еще одной под названием «Бихевиористская психология»”, – скудной выборки, не имевшей ничего общего с огромной библиотекой, которая была доступна Урсуле в юности. Агнес писала стихи, предсказывала судьбу по яблочным косточкам, научилась ездить верхом, стрелять и бросать лассо. Она взяла себе имя Аяху из языка навахо и исповедовала непримиримый феминизм. Если кто-то смел предположить, “что женщина уступает мужчине в интеллекте или пригодности к строительству... она, побагровев, срывалась со своего места, словно раненая львица, едва не впиваясь в дерзновенного когтями”.

Поработав прачкой, учительницей и коммивояжером, Агнес перебралась в Калифорнию, где свела знакомство с богемой левого толка. Ее взгляды становились все более радикальными. Смедли никогда не была последовательницей какой-либо философии – в основе ее убеждений лежал гнев, безраздельная ярость к капиталистам, владельцам угольных шахт, империалистам и колонизаторам, которые держали в рабстве бедных, цветных и рабочий класс. У нее не было времени на политические теории: “Кому есть дело до того, прочту я всю эту чушь или нет? Я знаю врага в лицо, и этого довольно”.

В Калифорнии она познакомилась с кружком индийских националистов, требовавших независимости от имперской Британии, и впервые вступила в борьбу за идею. В разгар Первой мировой войны она оказалась глубоко вовлечена в так называемую “индо-германскую антибританскую деятельность”, тайную кампанию Германии по ослаблению Британской империи, строившуюся на финансировании и вооружении индийского движения за независимость. В марте 1918 года Смедли была арестована по делу о шпионаже, приговорена к двум месяцам тюремного заключения и в конце концов отпущена на свободу несмотря на то, что, по словам ее биографа, была “виновна до мозга костей”. Она переехала в Берлин, познакомилась и вступила в брак с индийским коммунистом-революционером Вирендранатом Чатопадайей, известным как Чато, бросила его и продолжила участие в сговоре с индийскими повстанцами. С ужасом наблюдая деградацию человека в Веймаре, она провозгласила Советский Союз “величайшим, самым воодушевляющим местом на земле”.

Агнес была личностью колоссального масштаба, но даже самым близким друзьям бывало с ней весьма непросто. Как отмечал один из них, мир для нее был “строгим моралите, где «добро» вступало в борьбу с «пороком»”, и она редко спешила “со славного белого боевого коня своего воображения”. В отрочестве она пережила первый нервный срыв. Агнес страдала от “припадков безумия”, как она сама их называла, и начала проходить курс психоанализа у бывшей ученицы Зигмунда Фрейда в Вене, немецкой еврейки Элизабет Нэф. Доктор Нэф убеждала Агнес перенести свой жизненный опыт в художественной форме на бумагу. В результате на свет появилась “Дочь Земли” с разгневанной, честолюбивой героиней, не вписывающейся в общество и стремящейся к самовыражению. Критики пели книге дифирамбы. Майкл Голд в журнале *The New Masses* называл ее “пронзительно и прекрасно выхваченной из ткани самой жизни”. Овации зазвучали, когда Агнес уже была в Шанхае. Она прибыла сюда в мае 1929 года, полная решимости встать на защиту угнетенных китайских масс.

Агнес Смедли была полна непримиримых противоречий. Она была бисексуальна и при этом считала гомосексуальность исцелимым извращением. Она заявляла, что презирает мужчин, настаивая, что женщины “порабощены институтом брака”. Тем не менее она любила многих мужчин и дважды была замужем: своего первого мужа она третировала, а от второго терпела физические и эмоциональные издевательства. Она считала секс унижительным – и при этом была яркой сторонницей и энергичной проповедницей свободной любви. “Здесь мне довелось спать с мужчинами всех цветов и калибров, – писала она подруге вскоре после встречи с Урсолой. – С французом – торговцем оружием, малорослым, круглым и рябым; с пятидесятилетним немецким монархистом, убежденным, будто пенис позволяет подчинить женщину; с высокопоставленным китайским чиновником, о поступках которого мне стыдно даже писать; с шарообразным леваком – сторонником Гоминьдана, мягким и сентиментальным”.

Она была коммунисткой, так и не вступившей в партию; отчаянной революционеркой и романтической мечтательницей; феминисткой, преклонявшейся перед чередой мужчин; женщиной, внушавшей горячую преданность и тем не менее навлекшей страшные беды на многих своих друзей; она поддерживала коммунизм, не думая, чем в действительности чревата власть коммунистов. Она была страстной, пристрастной, харизматичной, самовлюбленной, безжалостной, непостоянной, донельзя придирчивой, эмоционально хрупкой и бескомпромиссной. “Быть может, я не невинна, но права”, – заявляла она.

Урсула была очарована. Казалось, Агнес Смедли была воплощением политической страсти и энергии, полной противоположностью чопорному самодовольству буржуазных салонов Шанхая. “Само ваше существование ничего не стоит, если вы живете среди несправедливости, ничего не предпринимая”, – утверждала Смедли. Агнес являла собой все, чем восторгалась Урсула: феминистка, антифашистка, противница империализма, защитница угнетенных в борьбе против сил капитализма и прирожденная революционерка.

Кроме того, она была разведчицей.

В 1928 году Агнес Смедли познакомилась с Яковом (Александром) Мировым-Абрамовым, пресс-атташе берлинского посольства Советского Союза, литовским евреем и старым большевиком. Номинально числившийся дипломатом, в действительности он возглавлял европейское бюро ОМС, филиал Коминтерна, занимавшийся сбором разведданных. Миров-Абрамов (или Абрамов-Миров, что вызывает некоторую путаницу) подыскивал новобранцев для создания новых агентур разведки на Дальнем Востоке и считал эту радикальную писательницу, умевшую задавать неудобные вопросы, идеальной кандидатурой. Агнес не потребовалось долго уговаривать, что разведка – логичное продолжение ее единоличной революции: она получила в Шанхае должность корреспондентки *Frankfurter Zeitung*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.